

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ И ЭТИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ БИОИСТОРИОГРАФИИ: ВПЕЧАТЛЕНИЯ ОТ КНИГИ

Рец. на кн.: Попова Т. Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. – Одесса, 2017. – 456 с.

Монография считается формой научного творчества, систематизирующей накопленные знания и обобщающей, ранее высказанные идеи. Однако в гуманитарных исследованиях крупные монографические формы могут становиться полем высказывания и апробации новых точек зрения. Книга Т.Н. Поповой «Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика» относится именно к таким работам. Несмотря на присущий автору диалогический стиль изложения – материал в книге структурирован по сюжетному принципу и перемежается многочисленными «ремарками», «комментариями» и «штрихами» – работу характеризует последовательность в изложении главных идей.

Книга состоит из двух частей. Первая часть посвящена проблемам теории и методологии биографистики. Т.Н. Попова не ограничилась инвентаризацией существующих на сегодняшний день типов биографического анализа, но попыталась представить авторский вариант теории биографистики, в основу которой легла система соотношений между основными теоретическими понятиями. В книге рассматривается содержание и инструментальный потенциал таких понятий, как «биометод» и «биоподход», «типы био-анализа», «биограмма», предлагаются определенные варианты подбора источниковой базы, согласующиеся со спецификой исследовательских задач и методологических ориентиров биоисториографов и т.д. Важной теоретической новацией автора стало использование термина «биографическая модель». Это понятие, которое сочетает в себе и информационную, и концептуальную функции в процессе создания биографического исследования и одновременно является основой для определенных типов биографического анализа

(с. 50–51). В целом стоит отметить, что категориальная рефлексия является особенностью стиля теоретизирования автора. Однако важно подчеркнуть, что Т.Н. Попова стремится к категориальному симбиозу новой и старой терминологии в исследовательском пространстве с учетом соотношения научных традиций (с. 17).

Таким образом, второй важной особенностью теоретизирования автора является историографичность. Рассмотрение традиций биоисториописания в рамках западной и восточно-европейской научных систем стало важной задачей исследования. В ходе анализа Т.Н. Попова пришла к выводу, что траектории развития этих традиций хотя были и разнонаправлены, но при этом равноценны. Вектор восточной традиции шел от проблем исследования личности в рамках определенных социальных контекстов к экзистенциальной биографии. Западная же традиция перешла от интереса к когнитивным аспектам жизни человека к исследованию биографии в социокультурном контексте. Таким образом, уровень современной биографистики, воплотившийся в «новой биографической истории», можно рассматривать как результат обеих традиций. При этом автор убедительно доказывает, что для обеих научных систем было общим понимание сложности жанра биографии, сопряженного с задачами понимания личности «другого», признания значения эмпатии в ходе реконструкции смысла поступков героев, важности художественных приемов для репрезентации полноты человеческой жизни. Т.Н. Попова уделяет пристальное внимание литературоведческим теориям и их влиянию на развитие биографистики как в рамках западной, так и восточной научных традиций. Помимо теоретико-методологического значения эти сюжеты исподволь подводят к мысли, что не только выбор актуальной методологии обеспечивает качество биографического исследования, но в целом мастерство биографа. Это мастерство зиждется на жизненном опыте автора биографического произведения, его способности к этическому отношению к прошлому, страсти к вопрошанию и стремлению к полноте этого вопрошания, вдумчивому отношению к теоретико-методологическому багажу науки, развивающемуся в рамках определенных научных систем, а не на гонке за «когнитивно-привлекательными дискурсами» и «новыми словами».

Таким образом, теоретическая часть книги Т.Н. Поповой является не только ключом к пониманию ее конкретно-биоисториографических исследований, составивших содержание второй части книги, но обладает самостоятельным характером и имеет свою миссию. Эта миссия видится автором в задаче «реактуализировать и ресемантизировать» термин «биоисториография» (с. 6), который, по мнению Т.Н. Поповой, с одной стороны, способен соединить традиционные формы и новации, пришедшие из других научных миров, а с другой стороны, выразить определенную этическую позицию историографа по отношению к предшествующей научной традиции. Главная задача автора состоит в реабилитации идеи преемственности в развитии историографической науки в целом. Как историк историографии Т.Н. Попова чувствует свою ответственность за согласование прошлого и настоящего науки ради построения будущего, справедливо полагая, что «формула историографической традиции» должна приобретать «содержание интеллектуальной стратегии» (с. 7). Во второй части книги эта идея проводится на материале конкретных биоисториографических исследований. Рассказывая истории историков, Т.Н. Попова актуализирует вопрос о праве суда над прошлым. Делая выбор в пользу реабилитации историков прошлого, автор одновременно акцентирует внимание на причинах и последствиях забвения, отразившегося не только на исторической репутации героев, но и на состоянии современной науки и научного сообщества историков в целом.

Вторая часть книги содержит семь «биоисториографических этюдов», посвященных историкам императорского Новороссийского университета. Назвав свои биоисториографические исследования «этюдами», Т.Н. Попова тем самым подчеркнула неполноту созданных жизнеописаний. Однако эта неполнота скорее обусловлена ограниченностью и недоступностью материалов для реконструкции биографий одесских историков, а также сознательной авторской интенцией представить «образы» историков, сосредоточившись на важных вопросах, которые, однако, остались незамеченными в ходе «магистрального» движения историографических исследований. Например, Т.Н. Попова обращает внимание на вклад

А.Г. Брикнера в процесс институционализации историографии и источниковедения; важность примирения оценок творчества А.И. Маркевича на основе рассмотрения личностных особенностей историка, проявившихся в отказе от взаимоисключающего сознания; проблемы восприятия учеными вынужденной эмиграции на примере биографии А.В. Флоровского и т.д.

Нужно отметить, что в методологическом отношении биоисториографические работы автора представляют значительный интерес. Прежде всего, отметим полноту вопросника Т.Н. Поповой. Предложив в теоретической части вариант такого вопросника, автор придерживается его и при анализе конкретного материала. Впрочем, в ряде случаев появляются и дополнительные «вопросы»: история рода того или иного героя повествования, судьба наследия историков в современной науке. Например, в биографии П.М. Бицилли рассматривается влияние особенностей коммуникации в сообществе бициллиоведов на состоянии изучения биографии самого историка, ставятся вопросы о «переключке» взглядов историка на специфику исторического познания со взглядами ученых других поколений и приверженцев иных историографических традиций. Обращает на себя внимание полнота и разнообразие источниковой базы, которая положена в основу биоисториографических этюдов. Одновременно, работа Т.Н. Поповой, по сути, постулирует приоритет гипотезы в научном исследовании. Автор достаточно четко проясняет сущность своей позиции («биографических ключей») в каждом конкретном биографическом исследовании. Отметим также в качестве характерной черты авторского стиля стремление осмыслить процесс историографического изучения жизни и творчества историков, представить этот процесс во всей библиографической полноте.

При этом автор скромно говорит о своих заслугах, принимая на себя роль исследователя, который только прокладывает путь для других. Однако ценность работы Т.Н. Поповой именно в поставленных вопросах. Автор щедро делится предложениями концептуального и методологического характера для решения актуальных проблем, одновременно делая замечания об особенностях и границах их применимости. Явно такая интенция

проявляется в небольшом по объему, но проблемно насыщенном разделе о дисциплинарном сообществе русистов императорского Новороссийского университета. Среди предложенного инструментария – теория сетевых связей, градационная структура фигур историков разных «планов», модель анализа дисциплинарного сообщества на различных институциональных уровнях. В конкретно-биоисториографических исследованиях автор размышляет о подходах к проблеме принадлежности ученого к научной школе, предлагает определенные варианты структурирования научного наследия, наполняет содержанием понятие «индивидуальный почерк ученого». В биографии П.М. Бицилли обращают на себя внимание понятия, связанные с анализом процесса историографического осмысления жизни и творчества ученого, а именно, «историографические ландшафты», «параметрический образ бициллиеведения», «социализация и рецепция творчества автора» и др.

Резюмируя впечатления от книги хочется заметить, что работа Т.Н. Поповой, приоткрывая завесу над лабораторией историографа, приучает к мысли о важности теории и этической позиции в историографическом исследовании, прививает вкус к теоретической работе и в целом побуждает к научному творчеству.

Ю. А. Киселева